

Чжоу Цзыфэй долго прождал на месте, но Шэнь Цзя всё не возвращался. В груди уколола тревога, и он направился к уборной на другом конце коридора.

Свернув за угол, Цзыфэй увидел мужчину и женщину, склонившихся над Шэнь Цзя. Сам Цзя стоял на коленях, судорожно и с мучительной болью заглатывая воздух.

Разум ещё не успел осознать происходящее, а тело Чжоу Цзыфэя уже ответило: он бесцеремонно оттолкнул обоих и подхватил Шэнь Цзя на руки.

Парень в его руках полуприкрыл веки, длинные ресницы намокли от слёз. На лице проступала синюшная бледность от нехватки кислорода, губы потемнели до лилового оттенка. Длинные, до плеч, волосы — те самые, что Цзыфэй перед выходом так заботливо расчёсывал пальцами, — теперь беспорядочно растрепались и липли к мокрым от пота щекам.

Шэнь Цзя изо всех сил сжимал ткань на груди, его щуплая грудная клетка судорожно и слабо вздымалась. Рот был широко открыт, из уголка губ по подбородку сбегала слюна. Цзя отчаянно пытался сделать вдох, но из горла вырывался лишь сиплый, хриплый свист — так задыхается подстреленная птица.

В то же мгновение затылок Чжоу Цзыфэя пронзила острая, почти физическая боль, от которой на висках мгновенно натянулись жилы.

Ведь всего пару минут назад с Цзяцзя всё было в порядке! Он же ещё недавно смущённо и доверчиво смотрел на него, с ярким румянцем на щеках, такой живой...

Почему стоит лишь на миг оставить его без присмотра, как он превращается в это?..

Шэнь Цзя дрожал всем телом, прижимаясь к его груди. Обычно такое тёплое и мягкое тело стремительно остывало, конечности сковала непослушная деревянная онемелость.

От удушья слёзы непрерывающим потоком катились из глаз, теряясь в волосах и скатываясь на ладонь Чжоу Цзыфэя, подпиравшую его затылок.

Горячие слёзы обжгли руку; Цзыфэй сжал зубы и заставил себя подавить панику. Нужно срочно действовать.

В подобных экстренных ситуациях он давно набил руку, а уж когда дело касалось Шэнь Цзя — действовал предельно собранно и бережно.

Когда Цзя устроился в детский сад, Цзыфэй распорядился проводить ежегодные медосмотры для персонала, и копию отчёта Шэнь Цзя всегда отправляли лично ему. Он знал, насколько хрупко здоровье его любимого, поэтому заранее изучил правила первой помощи.

— Малыш, не плачь. Не бойся, я рядом, всё будет хорошо.

Цзыфэй смахнул пальцами слёзы с лица Цзяцзя, отворотом рукава аккуратно отер его подбородок и губы. Затаив в глубине души смертельный испуг, он излучал лишь безграничное, умиротворяющее тепло.

Заметив, что приступ постепенно отступает, дыхание выравнивается, а судорожно сжатые на груди пальцы расслабляются, Цзыфэй наконец облегчённо перевёл дух.

Убрав с мокрого лба влажные пряди, он с щемящей нежностью прижался губами к его лбу. Шэнь Цзя, теснее прижавшись к его груди, едва слышно пробормотал что-то вроде «угу» — словно пытаясь успокоить и дать понять, что кошмар позади.

— Что... что с ним такое?!

Только услышав этот голос, Чжоу Цзыфэй вспомнил, что в коридоре они не одни.

Вся ласка в мгновение ока выгорела, сменившись лютой яростью и ненавистью. Он даже не удосужился ответить.

Лишь погладил Шэнь Цзя по спине, осторожно вытер пот с его виска — и в этих простых, убаюкивающих движениях дикая злоба улеглась, сменившись ледяным, рассудительным гневом.

Они точно что-то сделали. Просто так у Цзяцзя приступ бы не начался — прошлый раз такое случилось лишь во время встречи с Шэнь Цяньлуном.

Ему было плевать на них самих, но не на то, что они совершили, и не на ту боль, которую причинили Цзяцзя.

— Гипервентиляция на фоне сильнейшего стресса.

Он наконец поднял взор:

— Что вы с ним сделали?

Взгляд Цзыфэя застыл.

Одного из них он знал — это был тот самый парень, с которым изменил Юй Сянхан. А вот вторая...

Женщина была похожа на Шэнь Цзя процентов на семьдесят. И эти глаза — от природы чуть изогнутые, словно в постоянной улыбке...

Чжоу Цзыфэй мгновенно понял, что Шэнь Цзя не должен оставаться здесь ни секундой дольше.

— Как... как же так?! У Цзяцзя... у Цзяцзя раньше никогда такого не было! — Лицо Лу Хэ искажилось паникой. Догадавшись о чём-то, она сделала шаг вперёд, намереваясь подойти к сыну.

— Вас это не касается.

Чжоу Цзыфэй отшатнулся с парнем на руках, не подпуская её. С холодным, невозмутимым видом он снял своё пальто и бережно укутал Шэнь Цзя.

Одной рукой он прижал лицо Цзяцзя к своей груди, а ладонью другой плотно закрыл его ухо.

Лу Хэ замерла. Она только собралась что-то сказать, как Цзыфэй снова поднял глаза и тихо спросил:

— Думали, я именно это скажу?

— Что?..

Цзыфэй насмешливо издал сухой щелчок и снизил голос до полусшепота:

— Будто сами не знаете, отчего всё так. Раз уж когда-то решили вычеркнуть его и бросить — нечего теперь корчить из себя заботливую мамочку. Лицемерие. Отвратительно.

Последнее слово он проронил едва слышно, но его ледяные, пронизывающие глаза впились в Лу Хэ, транслируя нескрываемую омерзительность.

Женщина вздрогнула, лицо её пошло пятнами, губы беспомощно задвигались, но не смогли выдать ни звука.

— Да что ты вообще знаешь?! — внезапно выкрикнул Чэнь Лэкан, заступаясь за мать.

Он ещё не до конца разобрался в происходящем, но по привычке встал на защиту Лу Хэ. Он не узнал в Чжоу Цзыфэе человека, на которого Шэнь Цзя оглядывался в кафе; мужчина показался ему лишь смутно знакомым, но источающим дику, необъяснимую враждебность.

Держа Цзяцзя на руках, Цзыфэй мельком окинул Чэнь Лэкана ледяным взглядом. Видя их рядом и подмечая сходство в чертах лица, нетрудно было сообразить, кем они друг другу приходятся.

— Я знаю меньше Цзяцзя. Никто не знает всего лучше него самого, — ровно произнёс Цзыфэй.
— Но я — его любимый человек. И я всяко надежнее тех, кто решил проявить родственные чувства спустя столько лет.

Цзыфэй опустил взгляд: бледная ручонка Цзяцзя судорожно вцепилась в его сорочку. Глубоко вздохнув, он развернулся к ним спиной:

— Сегодня мы столкнулись случайно. Впредь — не лезьте в его жизнь. Никто из вас.

Не дав им опомниться, он решительно шагнул прочь.

— Постой! — Лу Хэ всё же бросилась вдогонку и вцепилась в его рукав. — Цзяцзя... Цзяцзя, скажи... ему хорошо живётся?!

За спиной раздались её всхлипы. Цзыфэй обдало волной тошнотворного раздражения, но тело в его руках снова дрогнуло.

Шэнь Цзя, пусть его левое ухо плотно закрывала ладонь, а правое прижималось к размеренно стучащему сердцу Цзыфэй, всё же разбирал обрывки фраз.

Он зажмурился. Слышал, как Цзыфэй чеканит: «Вас это не касается», слышал: «Впредь — не лезьте в его жизнь»... Слезы лились непрерывающим потоком, и он уткнулся лицом в грудь своего защитника.

Будь он всё ещё маленьким мальчиком... Ах, будь он ребёнком, он упал бы на пол, плакал бы навзрыд и кричал:

«Мама, за что ты меня бросила?!»

«Почему ты забрала его, а не меня?! Я не хочу так, мне больно!»

«Почему за все эти годы ты ни разу не вспомнила обо мне?!»

Но он давно вырос. Вырос уже очень, очень давно.

И время, когда дозволено кататься по полу в детской истерике, безвозвратно ушло.

— Самые тяжелые времена остались позади. Какой смысл спрашивать об этом сейчас? —

спокойным, ледящим тоном спросил Цзыфэй, смахнув подушечкой пальца очередную слезу с уголка глаза Цзяцзя.

Когда ему было хуже всего, вы не поинтересовались ни единым словом. А теперь, спустя столько лет... Каково бы ему ни было, он уже привык. Всё прошло.

Лу Хэ смертельно побледнела — именно этот несказанный подтекст прозвучал для неё в его сухих словах.

— Я...

— Цзяцзя, прошу тебя, оставь хоть какой-то номер... Мы ведь сможем потом...

Досада в душе Цзыфэя перелилась через край. Нахмурившись и даже не дослушав, он стряхнул её руку, намеренный уйти.

Но тут его рукав едва ощутимо дёрнулся. Это робкое движение мгновенно приковало всё внимание Цзыфэя к парню в его руках.

— Что такое, малыш? — смягчив голос до нежного шёпота, спросил он.

Шэнь Цзя медленно повернул голову. Его лицо всё ещё сохраняло болезненную, синюшную бледность, от которой у Цзыфэя сдавило грудь.

— Контакты... у него есть. Но если нет ничего срочного... лучше не пиши.

— Давай... сделаем вид, будто мы сегодня не встречались. Просто живи хорошо.

Голос звучал совсем слабо, но в нём снова пробивалась его привычная, тихая мягкость.

Любовь к семье — штука жестокая: даже выжженная израненной душой, она заставляет на короткий миг замереть. Разочарования скопилось неподъёмно много, злобы — тоже хватит с лихвой, но вырвать эту связь с корнем раз и навсегда оказывается не под силу.

Это бессилие, эта боль и чувство собственной никчёмности мучительны, но сбежать от конфликта всегда проще, чем сжечь все мосты.

Последнее, что запомнила Лу Хэ в этот день, — бледный, почти прозрачный профиль сына и глаза, так похожие на её собственные.

Эти глаза лишь на мгновение поднялись, мазнули по ней взглядом и тут же снова кротко

опустились.

Возможно, не встретив Лу Хэ сегодня, Шэнь Цзя смог бы до конца дней находить оправдания её уходу.

Но столкнувшись с ней лицом к лицу, он с горечью понял: нет в нём никакой великодушной мудрости. В глубине души он остался тем самым маленьким мальчиком, который до сих пор отчаянно ждёт, что мама выберет его и заберёт с собой.

Цзыфэй молча прижал Цзяцзя к себе и вынес из торгового центра.

Всю дорогу обратного пути Шэнь Цзя не проронил ни слова. Он сидел на пассажирском сиденье, застывший и безучастный, отчего у Цзыфэя сжималось сердце.

Наконец на перекрёстке загорелся красный. Цзыфэй протянул руку и накрыл ледяную ладонь Шэнь Цзя.

— Малыш, красный свет. Давай подержимся за руки?

Шэнь Цзя поднял взгляд: Цзыфэй мягко, тепло улыбался ему.

Затем Цзя спустил взор на их сцепленные пальцы и замер.

Ладонь Чжоу Цзыфэя была куда крупнее его собственной — сухая, горячая. Каждый раз, когда они брались за руки, его кисть полностью утопала в чужой хватке.

Сейчас Цзыфэй сжимал её не сильно, но с такой проникающей нежностью, что ладонь и каждое межпальцевое пространство пропитывались этим живительным теплом.

Шэнь Цзя замер, будто о чём-то задумавшись, и сам медленно сжал пальцы в ответ.

— Куда ты меня везёшь? — внезапно спросил он.

Цзыфэй на миг оторопел. Затем, с нежной и ласковой усмешкой, поднял его кисть к губам и прикоснулся к тыльной стороне ладони:

— Глупый... Конечно же домой.